

УДК 94(47)

**РОССИЯ–ТУРЦИЯ: НА ФРОНТАХ ВОЕННЫХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

А.А. Колесников

Рассматривается деятельность российской военной разведки, политической и экономической ситуации в Османской империи накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: Россия; Турция; Англия; разведка; военные действия; Дарданеллы; отголоски Первой мировой войны.

**RUSSIA AND TURKEY: AT THE MILITARY AND POLITICAL FRONTS
(LATE XIX – EARLY XX CENTURIES)**

A.A. Kolesnikov

The article reviews the activities of the Russian military intelligence, the political and economic situation in the Ottoman Empire on the eve of the First World War.

Key words: Russia; Turkey; England; intelligence; military operations; Dar Danelle; echoes of the First World War.

Начало Первой мировой ознаменовалось в Османской империи уничтожением православного храма в пригороде Стамбула Сан-Стефано. Возведенный в декабре 1899 г. в честь победы в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и хранящий в усыпальнице останки пяти тысяч русских солдат, он был безжалостно взорван сторонниками войны с Россией (ныне на этом месте проложена дорога в аэропорт, куда ежедневно тысячами прибывают наши соотечественники, пролетая всякий раз над разбросанными под землей костями своих предков).

Говоря о причинах войны, теме, которая до сих пор является предметом отчаянных дискуссий специалистов, задаешься риторическим вопросом: что такое серьезное могло толкнуть Россию и Турцию на выступление друг против друга? Вроде бы предыдущая русско-турецкая война 1877–1878 гг. поставила все точки во взаимоотношениях двух соседних держав. Реванш? Но Османская империя стала намного слабее России и вряд ли имела шансы на победу, хотя русский генштаб информировал, что в случае коалиционной войны Турция может оказаться серьезным соперником. Так что же это было? Авантюризм правящей элиты, представленной младотурками, которым надо было любым путем разрешить тяжелые внутренние проблемы? Допустим, но за счет чего – собственного неминуемого поражения? Интересы Германии в Турции?

Или заинтересованность Англии в антирусской германо-турецкой коалиции? Советская историография в свое время давала на все это практически исчерпывающие ответы. Но так ли надо им следовать в XXI в., когда многие нерешенные геополитические проблемы столетней давности всплывают вновь и вновь.

История последнего вооруженного конфликта между двумя вековыми противниками все еще полна тайн и загадок. Нанесу секретности слегка открывает вышедшее в последнее время незначительное количество работ российских историков: Р.М. Португальского, П.Д. Алексеева, В.А. Рунова (“Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников”. М., 1994), В.И. Шеремета (Босфор: Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны по материалам русской военной разведки. М., 1995), А.В. Шишова (Юденич. Генерал суворовской школы”. М., 2004), а также публикация некоторых архивных материалов, из которых особый интерес вызывает сборник документов русской военной разведки, посвященных теме кровавых событий в Западной Армении (*Басханов М.К.* Армянский вопрос в Турции в материалах генштаба Российской империи. Анкара, 2013). Российские архивы полны, как известно, различными сюрпризами, раскопать которые еще предстоит грядущему поколению историков. Что же касается богатейших

османских архивов, то обращение к ним российских исследователей практически прекратилось по причине почти полного отсутствия в России специалистов, читающих на языке оригинала. Частично оцифрованные и переведенные с османского на современный турецкий язык материалы, к сожалению, тоже мало востребованы отечественными исследователями, продолжающими печальную традицию игнорировать изучение турецких первоисточников. Говоря проще, минувшего столетия совершенно не хватило, чтобы мало-мальски разобраться в политических и дипломатических хитросплетениях всего того, что связано с российско-турецким противоборством 1914–1918 гг. Более или менее подробно описаны военные действия, благодаря эмигрантским публикациям и исследованиям советских военных историков, но они, безусловно, нуждаются в современном осмыслении.

Вступление в войну Османской империи до сих пор считается крупным успехом германской политики. Объективно османское руководство, еще не оправившись от поражений в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., не стремилось к новой схватке с Россией. Тем не менее, партия младотурок, установившая по сути дела свою диктатуру в Османской империи в 1913 г., имела четкий ориентир на Германию. Немаловажную роль здесь играл один из вождей младотурецкого движения Энвер-паша. Занявший пост министра обороны и начальника генштаба, он по сути дела сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Великий визирь – глава султанского правительства, желая “остаться в стороне”, пошел под его нажимом на заключение секретного соглашения с Германией, суть которого заключалась в том, что Турция сохраняет нейтралитет в случае вступления в войну России. При этом германской военной миссии предоставляются широкие полномочия на всей территории империи. Последовавшее вскоре вступление в войну Великобритании явилось для султанского правительства полной неожиданностью и побудило его даже обратиться к России с заверениями в своем нейтралитете. Здесь опять у современника возникает много вопросов: почему же российское правительство не поддержало это заявление своими активными действиями на дипломатическом, а может быть, и на военном поприще? В результате прогерманские настроения младотурок взяли верх, чему подыграло еще и решение англичан отказать туркам в последний момент в поставке двух современных боевых кораблей. Их тут же заменили немецкие крейсера “Гебен” и “Бреслау”, прибывшие в экстренном порядке в Стамбул. На

борту кораблей находилось около 500 германских офицеров и специалистов в качестве инструкторов для турецкого флота, командующим которого был назначен немецкий адмирал Сушон. Энвер-Паша лично санкционировал проход этих судов через Проливы, нарушив тем самым международные законы и перевесив чашу политических весов в сторону союза Турции с Германией, хотя султанское правительство официально никаких распоряжений на этот счет не давало. Заметим в скобках, что у историков до сих пор возникает вопрос относительно того, как это господствующая на море Великобритания, чей флот “блокировал” Дарданеллы, позволила немцам достичь Стамбула, что привело сначала к закрытию британской морской миссии в Османской империи, минированию Проливов, а вскоре и к вступлению Турции в войну.

Дальнейшие события развивались стремительно. 29 октября 1914 г. два турецких миноносца вошли в Одесскую гавань, потопили русскую канонерскую лодку “Донец”, а немецкий (ставший, якобы, турецким) “Гебен” бомбардировал Севастополь и потопил минный заградитель. 30 октября турецкие крейсера обстреляли Новороссийск и Феодосию, заминировали Керченский пролив и уничтожили несколько судов. Показательно, что великий визирь всячески отрицал, что со стороны его правительства давались какие-либо приказы. На что, как свидетельствует английский историк Лиддел Гарт, турку было передано следующее сообщение от германского посольства: “Приказ, существование которого вы отрицаете, думая, что он затонул вместе с “Гебеном”, находится в надежном месте в германском посольстве... пожалуйста, перестаньте отрицать, что турецкое правительство отдало приказ о нападении на Россию” [1, с. 150].

Надо сказать, что из-за выжидательной позиции МИДа и Двора Россия проявила при отражении этой турецкой атаки удивительную беспечность, хотя русские военные моряки были готовы к достойному отпору. И только 2 ноября Петроград объявил войну Турции, сочтя данный инцидент достаточным поводом для этого. Затем последовали аналогичные решения Англии и Франции. Истинной же причиной втягивания России в военное противоборство большинство отечественных и зарубежных исследователей считают “извечное стремление русских царей обладать Царьградом”.

Действительно, умы отдельных имперских политиков и части российской общественности перед Первой мировой и с ее началом серьезно будоражили мысли относительно овладения Константинополем и Проливами. И все же, в документах 1914 г. мы не находим упоминаний о конкретных

военных планах захвата Босфора и Дарданелл. Напротив, известна записка министра иностранных дел Сазонова от 26 сентября 1914 г., в которой излагалась точка зрения правительства о целях начавшейся на Балканах войны. В ней, в частности, говорилось: “Турки должны остаться в Константинополе и его окрестностях, а Россия – получить гарантии свободного прохода через Проливы”. Весомым доводом могут служить также топографические карты, изданные в Петрограде в 1915 г., где обозначена политическая перекройка границ в случае победы Антанты в войне. На них, в частности, показано, что к России должны примкнуть Восточная Пруссия, Словакия, Восточная Галиция, Черноморские проливы же остаются турецкими.

Реальный ход военных действий смешал все карты, в прямом и переносном смысле этого слова. Россия, действительно, изначально инициировала Дарданелльскую операцию. Русское командование 2 января 1915 г. обратилось к союзникам с просьбой своими действиями в Дарданеллах отвлечь часть турецких сил с Кавказского фронта. Для гарантии своих интересов в Проливах российский генштаб разработал Босфорскую операцию по десантированию войск на западном берегу Черного моря. Предполагалось, что в болгарском Бургасе будет высажен крупный русский десантный отряд для наступления на Босфор, однако позиция Болгарии не позволила осуществить эти планы. В конце февраля союзники начали Дарданелльскую операцию. Планируя свои действия, англичане преследовали своей главной целью совместно с французами занять Константинополь.

В случае успеха союзнической операции проливы могли перейти под контроль Англии и Франции, что чрезвычайно настораживало Россию и вынуждало потребовать официальных заверений о передаче ей после войны проливов. Юридически такое обещание союзники по Антанте никогда не давали, ограничиваясь устными договоренностями. Дипломатический нажим, который, судя по всему, был осуществлен министром иностранных дел С.Д. Сазоновым и привел к тому, что 12 марта 1915 г. Лондон официальной нотой гарантировал передачу России города Константинополя с прилегающими территориями, которые включали в себя западное побережье Босфора и Мраморного моря, Галлипольский полуостров, Южную Фракию по линии Энос – Мидия и, кроме того, восточное побережье Босфора и Мраморного моря до Исмитского залива, все острова Мраморного моря, а также острова Имброс и Тенедос в Эгейском море. Вместе с тем, судя по опубликованному дневнику британского посла в Париже Лорда Берти,

союзники серьезным свое обещание не считали. Выражая мнение британского руководства, 22 февраля 1915 г. он, в частности, писал, что державы должны отвергнуть русскую точку зрения относительно Константинополя, “дабы москвит не имел возможности совершенно самостоятельно решить вопрос о будущем этого города и проливов – Босфора и Дарданелл”.

Непонятной для современных исследователей остается ситуация относительно возможной помощи со стороны Греции, премьер-министр которой формально готов был предоставить свою армию в распоряжение Антанты (сопровождая, правда, это политическими условиями), однако боялся всякий раз ослушаться Россию. Греческие войска, по мнению экспертов, со своей стороны тоже в состоянии были ударить с тыла по турецким фортам, обеспечив занятие проливов.

В результате вялая бомбардировка турецких фортов в Дарданеллах началась только в феврале 1915 г., и, несмотря даже на то, что турки дрогнули, и высадка английского десанта могла бы быть успешной, английское командование отказалось от дальнейшего проведения операции. Причиной тому послужил подрыв шести из восемнадцати судов британской флотилии на скрытно поставленных турками минах.

Английская беспечность заключалась в том, что в конце 1914 г. была упущена возможность нанесения удара со стороны Дарданелльского пролива, где у турок практически серьезных сил не было. Однако уже с середины января и до апреля следующего 1915 г. под руководством немецкого генерала Лимана происходило непрерывное наращивание сил и средств обороны. Под его началом была 5-я армия – лучшее войсковое объединение, в которое входили шесть дивизий общей численностью 84 тыс. чел. Готовые было уже к поражению турки неожиданно для себя получили возможность перегруппировать силы, укрепить оборону и увеличить свое присутствие в шесть раз. Здесь, как известно, отличился будущий лидер Турции – Кемаль Ататюрк – в то время генерал Кемаль-паша. Командовавший тогда дивизией он умелыми действиями остановил многотысячный десант австралийцев, грозящий прорвать фронт, и отчасти повлиял на решение британского командования о прекращении всей операции.

В январе 1916 г., так и не достигнув цели, англо-французские войска и флот были эвакуированы. У Черчилль ушел в отставку с поста морского министра. Итогом Дарданелльской операции стали колоссальные жертвы с обеих сторон: около 350 тыс. чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Надо сказать, что с вступлением турок в войну и возникновением пятого фронта Первой мировой – Кавказского, значительно менялся ее облик. Часть русских сил отвлекалась с Австро-германского фронта, прерывалось кратчайшее сообщение России через Проливы с внешним миром, расширялась сфера войны на новом Азиатско-Турецком театре. Антанта быстро отреагировала на начало действий русских на Кавказе занятием английскими войсками Басры в Персидском заливе и объявлением английского протектората над Египтом. Кавказский фронт по количеству сил и средств значительно уступал остальным фронтам. Тем не менее, нельзя согласиться с бытующей порой в исследовательской литературе оценкой о нем как о “задворках войны”. Военные действия на этом направлении характеризовались не только умелой организацией устойчивой обороны, но и чередой крупных наступательных успехов. В планы военной кампании на Кавказском фронте (численность которого первоначально не превышала 170 тыс. человек) входило главным образом недопущение захвата противником российских территорий на Кавказе и, прежде всего, крепостей Каре и Батум, а также важнейших центров – Баку, Тифлиса и Владикавказа. Для выполнения этой цели русские войска вторглись на османскую территорию в направлении Эрзерума. Первым крупным сражением стала Сарыкамышская операция. Современник, побывавший в наше время на месте тех жутких боев, оставит в своей памяти бескрайние просторы долин и холмов, приветливый городок Сарыкамыш и впечатляющий памятник десяткам тысяч замершим и погибшим турецким солдатам. Памятник этот высечен из белого камня, словно глыба льда с вмерзшими в него воинами. На нем, между прочим, начертаны также и слова русских генералов, воздавших честь мужеству турок. Страшно себе представить те морозные вьюжные дни декабря 1914 г., когда стотысячная турецкая армия оказалась в голом поле с отрезанным тылом, лишённая еды, тепла и медицинской помощи. Надо сказать, что спустя столетие некоторые “горячие головы” из числа турецких политиков на ежегодно проводимых в этих местах траурных церемониях продолжают всю вину возлагать на русских. Объективности ради стоило бы им прислушаться и к мнению авторитетных турецких историков, ничуть не сомневающих в преступной авантюре Энвера-паши (он лично возглавил командование третьей армией), ответственного ни гибель и пленение десятков тысяч турецких военных. Его основной план – обход главных русских сил и овладение крепостью Каре – превратился тогда в страшную авантюру.

Огромное количество просчетов в организации операции и ее тылового обеспечения привело к страшной человеческой трагедии, когда при температуре ниже минус 20 градусов и глубине снега более метра до 42 % турецких солдат погибли, так и не начав сражение, а общие потери – убитыми, ранеными и обмороженными составили свыше 70 тыс. чел. В результате Сарыкамышский отряд под командованием генерала Берхмана пленил остатки 9-го турецкого корпуса вместе со всем его командным составом. Что касается потерь нашего Сарыкамышского отряда, то они тоже были немалыми – 20 тыс. чел., из них 6 тыс. обмороженных [2, с. 37]. Политическим успехом под Сарыкамышем не преминули воспользоваться англичане, активизировавшие свои действия в Месопотамии и по обороне Суэцкого канала.

Дальнейший ход развития событий на Кавказском фронте проходил уже под знаком российских побед. В октябре-декабре 1915 г. была успешно осуществлена Хамаданская операция, предотвратившая выступление Персии на стороне Германии, а также Алашкертская, проведенная силами 4-го Кавказского корпуса (июль-август 1915 г.). Последняя дала блестящий пример высокоманевренной войны и правильного выбора направления главного удара, предотвратив план турецкого командования по прорыву фронта Кавказской армии. В результате Ванского сражения русские войска, поддержав восставшее здесь армянское население, овладели Ваном. В январе 1916 г. был взят Эрзерум, а затем в апреле турки без боя сдали Трапезунд (нынешний Трабзон).

К концу 1916 г. 3-я и 4-я турецкие армии, действовавшие на Кавказском фронте, потеряли более половины своего состава и почти всю артиллерию. А.А. Керсновский в своей книге “История Русской армии” приводит такие цифры: “Из 150000 бойцов всей 3-й армии Вехиб-паша едва собрал 36000, а во 2-й армии Ахмет Изета из 120000 аскеров осталось 64000... Около 36 тыс. турок попали в русский плен” [3, с. 866]. Только в кампанию 1916 г. турки потеряли убитыми до 60 тыс. чел., потери русских войск составили до 21 тыс. чел. [2, с. 74].

Позиции турок были отброшены на 100 км западнее Эрзерума. В июне 1916 г. было принято решение о создании военного генерал-губернаторства на захваченной территории. Здесь учреждалось военно-народное управление, назначались уездные и окружные военные начальники, формировались судебные и административные органы. По аналогии с российской судебной системой создавались участковые, городские, областные, окружные суды, в число присяжных заседателей

которых предполагалось допустить представителей местного населения, подготавливались соответствующие документы о переселении русских в Эрзерумский и Ванский вилайеты. Вступивший в должность командующего Кавказским фронтом генерал Юденич, в частности, предлагал на освободившейся после отступления турок земле селить казаков из Кубани и Дона. Министр иностранных дел Сазонов в свою очередь полагал, что находящимся на этой территории армянам следует предоставить самоуправление и самостоятельность в образовании и религиозной жизни.

Тем временем политическая составляющая войны вносила свои коррективы в ее ход. Уже в январе 1916 г. был готов проект англо-французского соглашения о разделе Азиатской Турции. В английскую зону было решено включить Месопотамию с Багдадом и Басрой, но без Мосула. Кроме того, Англия получала палестинские порты Хайфу и Акру. Во французскую зону были включены Ливан, прибрежная часть Сирии (западнее линии Алеппо-Хомс), часть Восточной Анатолии, Малая Армения и Курдистан. Подобный проект, в схематичном виде, сегодня можно обнаружить на красочном стенде в Мавзолее Кемала Ататюрка в Анкаре. “Лакомые куски турецкого пирога” щедро распределялись между Англией, Францией, Грецией, Италией, США, оставляя маленькую собственно турецкую территорию в центре Анатолии. Такую участь уготовили недавние союзники Турции по предыдущим русско-турецким войнам. Российская сторона тогда считала, что по стратегическим соображениям весьма нежелательно появление на нашей азиатской границе европейских держав. В апреле данное соглашение было заключено, но уже с учетом российской позиции. Россия получала “области Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса до “подлежащего определению пункта на побережье Черного моря к западу от Трапезунда”. Кроме того, ей отдавалась часть Курдистана, “расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сергом, течением Тигра, Дже-зире-ибн-Омаром, и линией горных вершин, господствующих над Амадией”.

Распад Кавказского фронта с началом революционных процессов в России стал жуткой трагедией. С лета 1917 г. солдаты целыми воинскими подразделениями самовольно покидали позиции, казаки уходили на Кубань и Терек. Практически не оставалось ни одной боеспособной части. Дальнейшие события развивались подобно снежной лавине. Заключением Брестского мира в марте 1918 г. Россия гарантирует возвращение Турции всех завоеванных территорий, включая и те, которые она

получила в результате войны 1877–1878 гг. (Каре, Батум, Ардаган). На этом, собственно, можно было бы юридически поставить точку в последнем военном противостоянии России и Турции. Умерла Российская империя, но для России в ее новом советском качестве Первая мировая так и не завершилась. По роковому стечению обстоятельств наиболее пагубные последствия заключения Брестского мира пришлись на завоеванные Россией по праву победителя территории в Азиатской Турции. В январе 1918 г. турки занимают Эрзинджан, в феврале – Эрзерум, а в марте уже вся территория, занятая за годы войны русскими, переходит к туркам. В апреле турецкие войска без боя берут Каре и Батум.

Отголоски Первой мировой для уже новой России и новой Турции продолжались вплоть до заключения в марте 1921 г. договора о дружбе между РСФСР и Великим Национальным Собранием Турции. Только тогда была поставлена окончательная точка в поствоенном разграничении. В сухом остатке – лишь Батум оставался частью Грузии, а Каре и Ардаган признавались снова турецкими. Так бесславно завершилась целая эпоха российских завоеваний. По сути дела аннулировались предыдущие договоры России по итогам всех предшествующих русско-турецких войн. 13 октября 1921 г. последовало заключение Турцией Карского мирного договора с Арменией, Азербайджаном и Грузией, ставшими к тому времени уже советскими республиками.

Печальной оказалась судьба и младотурецкого триумвирата, преступно инспирировавшего вовлечение Турции и войну с Россией. 3 ноября 1918 г. младотурецкие лидеры бежали на германском военном корабле в Одессу, оттуда переехали в Германию. Через полтора года двое из них – Джемаль-паша и Энвер-паша, как это ни парадоксально, при поддержке советских лидеров прибывают в Среднюю Азию (среди кремлевских руководителей нашлись сторонники младотурецкого движения и самым ярким из них был Л.Д. Троцкий). Энвер-паша, имевший к тому же титул “зятя халифа”, становится “наместником” свергнутого бухарского эмира Сейид Алим-хана и верховным главнокомандующим басмаческого повстанческого войска. Провозгласив борьбу с “красным империализмом”, он планировал создать в Средней Азии единое тюркское государство, основанное на вскормленной младотурками идеологии пантюркизма (что, кстати сказать, было его давнишней мечтой еще в довоенное время). Однако, не найдя достаточно сторонников и не получив обещанной от Англии помощи, Эн-

вер-паша погибает в бою у кишлака Обдар (Кулябский район современного Таджикистана). Прах его перезахоронят в Турции уже после распада СССР и будут поклоняться ему почти официально, несмотря на кажущийся пока еще перевес кемалистского начала над исламистским в системе сегодняшнего турецкого Государства.

С позиции сегодняшнего дня можно сказать, что уж больно дорогой ценой обошелся народам бывшей Российской империи “чистый лист” советско-турецких отношений. По прошествии ста лет о 40-летнем российском пребывании в районах Азиатской Турции напоминают лишь незначи-

тельные бытовые детали в городах и селениях, да этимология некоторых географических названий. Давно уже порушены воздвигнутые здесь когда-то русские памятники и христианские храмы, исчезли могилы и кладбища россиян.

Литература

1. *Лиддел Гарт*. Правда о Первой мировой войне / Лиддел Гарт. М., 2009.
2. *Корсун Н.Г.* Первая мировая на Кавказском фронте / Н.Г. Корсун. М., 1946.
3. *Керсновский А.А.* История Русской армии. Т. 4 / А.А. Керсновский. Белград, 1938.